

Иван АЛЕКСАНДРОВ

ГОРСТКА ПЕПЛА

(стихи из альманаха "Орел литературный", 2005 г.)

*В знакомой роще на опушке
Кукуют мирные кукушки.
А мне запомнились другие,
Как смерть, коварные
и злые.
Те подавали голос свой
Не только летом — и зимой,
Одно мгновенное "ку-ку" —
И кровь дымилась на снегу.
А где-то там жена и мать
Навек остались куковать.
И горько вторят на опушке
Им нынче мирные
кукушки...*

***

*Где-то рядом
громыхали пушки,
За снарядам
завывал снаряд,
Мы бежали в лес
из деревушки,
Позабыв про кошку и котят.*

*Было жутко
и тревожно очень,
Мутрно и горько на душе.
Я очнулся среди
июньской ночи
В маленьком дырявом
шалаше.*

*Слышу, задыхаясь
от волнения,
Трется Мурка около меня:
— Принимай, хозяин,
пополнение —
Вывела сейчас
из-под огня...*

***

*Плелась в глухую ночь
лошадка
Через снега, через войну.
А волки праздновали
Святки,
Протяжно выли на луну.*

*Кобылка прядала ушами
И споро прибавляла шаг.
Мы слушали и не дышали,
Едва превозмогая страх.*

*Сестра закутывалась
в тряпки,
А я сжимал сильнее кнут.
Но заклинала Богом бабка,
Что это барышни поют...*

***

*Дороги днем и ночью
Под танками пылят.
Скирды не обмолочены,
Заброшены в полях.*

*У бабки сердце колет,
У старой жар-озноб.
Пойду я в чисто поле,
Возьму пшеничный сноп.*

*Рука моя проворна,
Сноровиста рука.
Упруго брызжут зерна
На шаль из-под валька.*

*А я сильнее шпарю,
А я азартней бью:
Ведь завтра бабка сварит
Пахучую кутью!..
г. Мценск.*

«ОРЕЛ ЛИТЕРАТУРНЫЙ»

Вышел в свет ежегодный альманах "Орел литературный".

Это второй выпуск.

Первый, прошлогодний, был приурочен к Съезду Союза писателей России, проходившему в Орле, а нынешний выпуск посвящён 60-летию Великой Победы.

Альманах открывается публикацией губернатора Орловщины Е. С. Строева "Слово о Победе". Затем следуют обширные разделы поэзии, прозы, публицистики. Авторы — члены областной писательской организации.

Есть также раздел со стихами начинающих сочинителей — членов областного литературного объединения. В последнем разделе "Литературная память" опубликованы произведения уже ушедших орловских писателей военного и послевоенного поколений.

Выпуск богато иллюстрирован цветными репродукциями орловских художников.

Альманах учреждён Орловской областной организацией СП России, выпущен писательским издательством "Вешние воды".

О. ЮРЬЕВ.

Г. Дышленко. Украина города. Голуби. 1979 г. Репродукция из альманаха "Орел литературный", 2005 г.

"Колюх-Душегуб" — так за глаза звали сельчане молчаливого сорокалетнего мужика из кривой хаты на отшибе.

Жил Колюх полным отшельником, в дом к себе никого не пускал, да и не было желающих набиваться к нему в приятели. Занимался тем, что резал из липы ложки, ковшики и прочую хозяйственную утварь. Поделки свои разносил по соседям: зайдёт в хату, положит на сундук у дверей, постоит с минуту и уйдёт. Если что-то давали взамен — брал, нет — и так ладно.

А смежной профессией у Колюха был убой различной домашней животины. Вся деревня шла к нему с этой надобностью.

Колюх никогда никому не отказывал, лишь пасмурно усмехался в клочковатую бороду. Не говорил он и цену за свою кровавую работу — каждый от себя решал, чего и сколько дать.

Только Басов, гаишный начальник из райцентра, не имел с Колюхом никаких дел. Лет десять тому Басов выкупил домик в этой деревне и поселил в нём старушку мать. А на лето привозил и жену с сыном.

Гаишник презирал Колюха и открыто называл его живодёром, на что тот недобро щурился и поволчиному скалил удивительно белые и ровные зубы.

Птицу бил Колюх красиво, споро — иной раз по два десятка кряду. В сезон к его подворью выстраивалась очередь.

Деревенская ребятня, собираясь летними вечерами на посиделки, пугала друг дружку рассказами, будто Душегуб в этакую убойную пору по ночам пьёт кровь из своего корыта, а потом ходит по деревне от дома к дому и заглядывает в тёмные окна.

Случалось, сам Колюх вдруг бесшумно появлялся из темноты возле усевшихся вокруг магнитофона подростков, присаживался

в сторонке на корточки и молчал. Хорохорясь друг перед другом, ребята не разбежались в страхе, только девчонки тесней прижимались к парням, да тема разговора менялась.

Весной Колюх подобрал котёнка. Котёнок был раненый и дикий, жил в подвале сельмага и в руки никому не давался — если кто к нему приближался, шипел, фырчал, выгибал спину, будто пытаясь прикиннуться маленьким одногорбым верблюдом, и исчезал в подвальных закоулках.

Со спокойным упорством Колюх два дня охотился на котёнка. И подловил момент, когда оголодавший зверёныш залез с головой в целлофановый пакет с киль-

глаз недобрый — жёлтый, с лёгкой косинкой, и лапка раненая шерстью не обрастает — лысая. Признавал, понятно, одного Колюха — ластился к нему, мурчал. От других бегал и прятался. Осторожный был котёнок, да не убе-рётся...

Возвращался как-то Колюх с луга, куда по непонятным делам своим ходил, и поодаль Настасьиной избы уже шёл, как заметил неправильное, необычное. Что-то пацаны у бабкиного плетня крутятся, не иначе пакость какую затеяли.

Главным в компании был милицейский сынок Пашка — он и двое ребят помельче азартно расстреливали из пневматического пис-

ло не спасти никакими, даже самыми чародейными, травами. Кошак пытался поднять голову, немом, по-рыбьи, открывал пасть, будто что-то хотел сказать Колюху, которого в деревне звали Душегубом...

Арестовывали Колюха всемером.

Когда оперативники вломались в хату, Колюх ладил липовый гробик для котёнка.

— Так-так, — сказал лейтенант, разглядывая Колюхов рабочий тесак с засохшими пятнами крови. — За ним, может, и посерьёзней дела имеются...

В суде Пашкины дружки показали, что избивал Душегуб парня ни за что, долго и жестоко. Вдобавок милицейский папаша принёс ворох медицинских справок, из коих, если их объединить в одну, следовало, что травмы, полученные его пятнадцатилетним сыночком, несовместимы с жизнью, и, вообще, выжил Пашка чудом.

Пригласили на заседание и ещё одного свидетеля — бабу Колюха, которая, как оказалось, видела из своего окошка всё происходящее у плетня.

— Вы видели, как подсудимый избивал потерпевшего? — спросила у неё строгая судья.

— Колюх-то? — переспросила напуганная принятием присяги и вообще официальностью обстановки бабка. — Конечно, сунул мальцу по тыльнику разик... может, два...

Сам Колюх в суде ни слова не сказал. И отправился по этапу...

Прошло пять лет. Колюх в деревню больше не вернулся. Говорят, порешили его в зоне уголовного. Да, наверно, врут.

А я думаю, не тот Колюх человек, чтобы дать себя за здорово живёшь жизни лишиться. Просто уехал куда-нибудь, не захотел вернуться в эту деревню. Пусть им кур теперь Пашка режет.

АНДРЕЙ ФРОЛОВ ДУШЕГУБ

кой, вынесенный сердобольной продавщицей. Душегуб просто подошёл и за хвост поднял котёнка вместе с пакетом. Тот, попав в человеческие руки, разом обмяк, обвис всеми конечностями, будто притворился мёртвым.

Колюх сунул кошака за пазуху и ушёл домой...

Выходил Душегуб котёнка. Полтора месяца выхаживал и выхаживал. Бабка Настасья, сама известная травница, рассказывала, что ненароком видела, как Колюх пожуёт-пожуёт какую-то незнакомую травку и приматывает её тряпичей к котовой лапке. А сам зверёк, будто понимает, что его врачуют, висит в Колюховых лапках, как папья, — не пискнет, не дёрнется.

К июлю котик был как новый: округлился, распушился — усы топорщит, хвостом метёт. Только

толета Колюхова кошака, привязанного за лапу к плетню. Котёнок молча дёргался, прыгал в сторону, но верёвка бросала его назад, а крошечные стальные пульки взбивали пыль под его лапами и ерошили кошачью шерсть. Стрелки были неумелые, убойная сила оружия слабая, и только поэтому котёнок был ещё жив.

Пашка наверняка выцеливал притихшую вдруг жертву, когда полнолунная затрешина свалила его носом в лопухи. Его приспешники, пригибаясь, прыснули в разные стороны.

Колюх подобрал пистолет, не глядя разломил его надвое, будто пластмассовую игрушку, и забросил обломки подальше. Потом склонился над своим израненным питомцем.

Кошки, говорят, имеют девять жизней, но этого котёнка уже бы-